

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И РУССКО-НОРВЕЖСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

В начале XIX в. в отношениях России и Швеции — Норвегии (объединенных с 1814 г. унией) наступил новый этап. С конца XVIII в. Швеция стала выступать союзником России: заключается торговое соглашение 1799 г. и торговый договор 1801 г. В соответствии с последним для русских и шведских купцов подтверждалось право облагать товары друг друга пошлиной, равным сборам, взимаемым с отечественных купцов. Устанавливалась уменьшенная пошлина с привозимых в Россию шведских сельдей и соли (на шведских кораблях), а взамен Швеция сбавила пошлину на пеньку, полотно, сало и лен. Русским купцам разрешалось иметь в Стокгольме товарные склады¹. По мнению В.В. Рогинского, события 1809–1815 гг. стали ключевыми для смены враждебности (относящейся, впрочем, исключительно к Швеции) на союзнические отношения: Санкт-Петербургский мирный договор 5 апреля 1812 г., личная встреча Александра I с наследным принцем Карлом Юханом, участие России и Швеции в антинаполеоновской коалиции². Для Норвегии это стало скорее продолжением традиции, так как с Данией, в унию с которой входил наш северный сосед, отношения складывались скорее дружественно, за исключением начального периода наполеоновских войн. Последний, однако, не успел оказать существенного влияния на русско-норвежские отношения. Уже международные соглашения Российской империи начала XIX в. показывают, что торговле с соседними Швецией — Норвегией уделялось особое внимание. Статья 6 Дополнительного акта к Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией от 29 августа – 10 сентября 1817 г. давала привилегии купцам северного королевства. Купеческие корабли поданных двух стран могли привозить соль во все порты с платежом пошлин наравне с местными торговцами. Кроме того, торговые шведско-норвежские суда получали право беспошлинного складирования соли в Санкт-Петербурге, лифляндских и курляндских портах³. В 1815–1837 гг. неоднократно продлевались льготы на вывоз хлеба в Норвегию и обмен на рыбу жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада Архангельский губернии⁴. В 1846 г. Россия заключила с Норвегией договор о взаимном рыболовстве русских и норвежских промышленников у берегов Норвегии.

Установлению более тесных торговых связей способствовало проведение в 1878 г. телеграфной линии от Архангельска до Норвегии. Постоянные тесные торговые связи и другие контакты северных областей России с Норвегией послужили основанием для архангельского губернатора в 1838 г. поднять вопрос о введении преподавания норвежского языка в учебных заведениях г. Кеми и Сумского посада. Поводом стали просьбы купцов, мещан и крестьян, занимавшихся торговлей с Норвегией. В итоге департамент народного просвещения в 1858 г. в Кемском уездном и Сумскопосадском приходском училищах Архангельской губернии ввел преподавание норвежского языка⁵.

Норвежские крестьяне и рыбаки, будучи заинтересованы в свободной торговле, как правило, выступали против таможенных пошлин на товары, ввозимые из России, и за отмену ограничений в торговле с русскими (права торговать только в течение определенного срока в году⁶).

Несмотря на то что однозначные оценки экономических отношений двух стран уже в XIX в. не давались, местные чиновники зачастую откровенно враждебно относились к поморско-норвежской торговле. Согласно донесению кольского исправника, торговля жителей колонистов Мурмана и кольских горожан «состояла в пределах русских продуктов, промыслов»: рыба свежая, соленая и сушеная, рыбий жир, дрова, лес, сало, ягоды⁷. Из Норвегии ввозились товары: ром и другие напитки, чай, кофе, сахар, одежда, обувь, мануфактурные товары, уды, веревки для промыслов, соль, бочки под сало и другие товары «на довольно значительную сумму»⁸. Поморы Кемского, Онежского, Архангельского и Мурманского уездов увозили в Норвегию, большей частью из Архангельска, муку, крупу, лес, смолу, веревки, масло, а вывозили из Норвегии свежую и сушеную рыбу для Архангельска. Как считал исправник, пограничный Мурман служил для норвежских городов местом сбыта значительного количества товаров, а получаемое сырье — основа многих предприятий, рыба и сало перепродается на европейские рынки, таким образом, торговля Норвегии с Мурманом приносила больше прибыли норвежцам, а не русским⁹. Но с выводом чиновников вряд ли согласились бы многие поморы. Даже официальные документы показывают, что для многих торговля просто стала средством избежания «совершенной бедности и нищеты»¹⁰. Указом Николая I от 24 марта 1835 г. «всем жителям городов Кеми, Колы с уездами и Сумского посада без ограничения гильдий, также мещанам и крестьянам даровано право вывозить из Норвегии на собственных мореходных судах рыбу и мягкую рухлядь по всем беломорским портам без ограничения коли-

чества»¹¹. В 1843 г. к военному губернатору обратились граждане г. Кеми с просьбой разрешить им торговать товаром, привозимым из Норвегии, в Архангельске. И хотя архангельское купечество протестовало против предоставления подобных льгот (например, 8 октября 1842 г. Архангельская торговая депутация предложила запретить продажу привозимого из Норвегии пушного товара в Архангельске без вступления в гильдию¹²), эта просьбу услышали. 21 июля 1843 г. вышел очередной указ императора. Теперь иногородним купцам поморского края разрешалось в Архангельске «производить торговлю мягкой рухлядью без торговых свидетельств и без платежа акциза в пользу города»¹³. Гражданский губернатор в 1854 г. даже предлагал для распространения новых типов судов разрешить торговлю с Норвегией только на шхунах¹⁴.

В конце XIX в. обостряется шведско-норвежский конфликт. Норвежцы возмущались высоким размером консульских пошлин. Норвежский флот по численности превосходил шведский, при этом шведы не соглашались на учреждение отдельных норвежских консульств. В 90-х гг. XIX в. в шведском бюджете на содержание консулов ассигновалось 160 000 крон, в норвежском — 120 000 крон (т.е. доля Швеции — 4/7, доля Норвегии — 3/7)¹⁵. Согласно международным правилам, консульские пошлины уплачивались каждым судном, заходившим в порт, где находился консул, таким образом, поступление зависело от количества шведских и норвежских судов. 70 % от общего количества судов объединенного королевства, заходящих в иностранные порты, принадлежало Норвегии. В 1894 г. от норвежских судов в счет консульских пошлин поступило 196 355 крон, в счет т.н. экспедиционных пошлин — 9590 крон; от Швеции, соответственно, — 82 441 и 4160 крон¹⁶. Таким образом, Швеция участвовала в покрытии расходов на содержание консульств на 246 600 крон, Норвегия — на 325 949 крон, т.е. Швеция покрывала около 43 % расхода, Норвегия — около 57 %. Обороты шведской внешней торговли в этот же период составили 673 955 000 крон, оборот Норвегии — 324 277 000 крон.

Реформы второй половины XIX в. привели к тому, что норвежцы назвали «сменой кожи». Изменения происходили и в Швеции, правда, результаты значительно разнились. Для Норвегии политическая жизнь XIX столетия отличалась большим равенством граждан, экономической свободой. Для Швеции была характерна большая бюрократизация, дробление населения на четыре сословия, крепко державшихся остатков своих привилегий. В Швеции принцип — король один управляет государством; в Норвегии — *veto suspensivum*; в Швеции — сословный сейм с влиятельной рыцарской

курией, в Норвегии — бессловный стортинг и общество без дворянства и свойственных аристократии привилегий. Исторические различия обуславливались и географически: в Швеции — развитые сельское хозяйство, промышленность, добывающая и обрабатывающая, в Норвегии множество гаваней, богатых рыбных угодий, неприспособленность к земледельческой культуре обусловили развитие торговли и судоходства. В 90-е гг. XIX в. норвежцы вылавливали до 11 млн пудов трески, за 6 лет, с 1890 по 1896 гг., — 62 млн, в дальнейшем эти цифры только росли¹⁷. Даже норвежская элита, состоявшая из крупных судохозяев, торговцев, промышленников (представители городского населения занимали 1/3 всех депутатских мест¹⁸), исповедовала крестьянские ценности.

В 1900 г. около 72 % населения жило в деревне¹⁹. Новые экономические отношения, «взломавшие» традиционный уклад норвежского общества, не смогли полностью искоренить некоторые устои. Так, принцип неделимости «наследственного двора» считался «осколком» средневекового общества²⁰, хотя «одадь», возникший задолго до прихода в Скандинавию феодализма, и в высокое средневековье был оплотом родовых отношений. Так или иначе, комплекс факторов плюс отлив «лишних» людских ресурсов во флот (свой и иностранный) и за счет эмиграции в США позволили Норвегии мягче пережить ломку вхождения в мировую экономическую систему.

Ежегодный доход Норвегии в начале XX в. составлял 71 932 500 крон (1 крона в 1905 г. стоила примерно 52 коп.²¹): с таможенных пошлин — 21 млн; с железных дорог — 8 млн; акцизные сборы на алкоголь — 6 млн; земельные и другие налоги — 5 млн; почта и телеграф — 4 ½ млн; подоходный налог — 2 млн; гос. имущества — 2 млн; судебные пошлины — 1 млн; гербовые сборы — 1 млн. Расходы составляли: оборона — 8 млн; ж/д расходы — 7 млн; народное просвещение — 6 ½ млн; почта и телеграф — 6 млн; суд — 5 млн; проценты по погашению государственных долгов — 5 млн; содержание дорог, каналов, пристаней — 3 млн; управление финансами и таможнями — 3 млн; флот — 2 млн; внутреннее управление — 1 млн; министерства — 1 млн; содержание короля — 1 млн²². Значительные поступления в казну давали судостроение и мореходство (например, фрахт). Тоннаж торгового флота Норвегии в 1910 г. составил 3 910 000 т, стоимость ввоза — 429,2 млн крон, вывоза — 309,7 млн крон, общее число нетто-тонн пришедших и ушедших иностранных судов — 9 941 000 т (гос. бюджет в 1913 г. — около 150 млн крон, при этом бюджет флота — 6,8 млн крон)²³.

Отношение к скандинавским соседям в России носило двойственный характер: с одной стороны, попытка повторить экономически успешный

опыт во многих областях торговли, рыбной промышленности и проч., с другой — опасения экономической экспансии (последнее более относилось к местным властям). Показательно в этом смысле освоение Мурманского побережья, где в середине XIX в. норвежцев «назначили» модернизаторами российской окраины, а затем, к началу XX в., заговорили о возможной потере «русского Финнмарка». Первая мировая война усилила подозрительность. В 1915 г. российскому вице-консулу в Варде показались подозрительными слишком частые поездки на Мурман норвежского подданного Израиля Бергстрема. Консульство выяснило, не уточняя источник информации, что Бергстрем необычайно хорошо осведомлен о прокладке телеграфного кабеля из Англии в Александровск и якобы рассказывал все подробности неким «темным личностям»²⁴. Фактически норвежца стали подозревать в шпионаже в пользу Германии, тем более что немецкая разведка в Скандинавии действовала активно. Полицейский надзиратель г. Колы Брагин добавил к этому обвинение в распускании среди российских новобранцев на мурманских пароходах ложных слухов о капитуляции России²⁵. Дело дошло до архангельского губернатора. Главнокомандующий г. Архангельска и района Белого моря приказал провести тщательное расследование, допросили не менее девяти свидетелей²⁶. В конце концов начальник архангельского губернского жандармского управления пришел к выводу, что за Бергстремом «ничего предосудительного не замечено», сведения о шпионаже и распускании слухов не более чем невежество отдельных лиц²⁷. Дело для норвежского подданного закончилось благополучно: вероятно, он даже не узнал о своей «шпионской» деятельности, но то, какого уровня чиновники занимались этим расследованием, говорит о серьезном отношении к таким подозрениям.

Подобные казусы случались и в Скандинавии. Однако шпиономания характерна скорее для Швеции начала XX в., причем еще до начала войны. Страна в этот период стала принимать сезонных рабочих. Обеспеченность рабочими руками производилась за счет приходящих туда крестьян-поляков из Галиции на следующих условиях: мужчины — около 180 руб. в год, женщины — около 120 руб. в год; и те, и другие с содержанием и квартирой²⁸. Однако в качестве вероятных шпионов выступили русские сезонные рабочие. Они стали предлагать шведам хозяйственные услуги, в том числе в заготовке дров, отсюда и название — «segfilarna» — пильщики. В октябре 1900 г. корреспондент столичной газеты «Stockolms-Tidningen» писал о двух русских офицерах, переодетых в мужицкие красные рубахи: якобы эти шпионы изучали окрестности и искали карты генштаба²⁹. МВД Швеции

даже обратилось к эксперту Нобелевского комитета по славянской литературе Альфреду Йенсену. Славист побеседовал с несколькими пильщиками и убедился, что это крестьяне из Новгородской губернии, прибывшие в Швецию в поисках заработка. Впрочем, впоследствии это не помешало выйти в свет книге Свена Хедина «Слово предостережения» о готовящейся оккупации Швеции Россией³⁰.

Первая мировая война не только нанесла окончательный удар по уже умирающей поморской торговле, нелучшие времена наступили для всего комплекса экономических отношений. В 1915–1916 гг. между Россией и Норвегией шли переговоры о совместном использовании гидроэнергии пограничных рек, но затем этот проект пришлось отложить до лучших времен³¹. В 1916 г. к российскому послу в Христиании обратился местный норвежский гренадер, имевший российское подданство, Ион Лид с просьбой о разрешении отправить на Мурманскую дорогу российского подданного, специалиста по лесному делу. Лид планировал устроить несколько лесопильных заводов. После определения размера необходимых инвестиций Лид предполагал представить правительству план экономического развития. Посланник выразил одобрение плана Лиды «в целях оправдания экономического существования дороги и пробуждения северного края»³². Несмотря на «шпионские» дела (занимавшие, правда, больше местных чиновников низового уровня — см. выше), наметилось экономическое сотрудничество в военной области. В частности, по заказу морского министерства норвежская фирма «Maritime» построила 18 моторных катеров. Специально для наблюдения за ходом выполнения заказа в 1916 г. в Норвегию командировали военного чиновника³³. Норвегия иногда выступала как неофициальный (официально не позволял объявленный нейтралитет) посредник в торговых операциях воюющих держав. В 1915 г. английский посланник в Христиании обратился к главе российской дипмиссии Арсеньеву с просьбой разрешить норвежской фирме «Меллер» (г. Драммен) закупать в Архангельске и Мурманске волос северных оленей, запрещенный к вывозу. Норвежская фирма «Меллер» собиралась изготавливать спасательные пояса для английского военно-морского флота³⁴. Норвегия в годы I мировой войны по-прежнему была заинтересована в торговых отношениях с Россией. В 1916 г. норвежский пароход «Карме» был заподозрен в разбрасывании мин в устье Белого моря, по поводу чего российский посланник в Христиании попросил МИД Норвегии провести расследование и в случае подтверждения фактов наказать виновных. Норвежский министр иностранных дел ответил о полном согласии немедленно произвести срочное следствие и привлечь виновных.

При этом министр добавил, что «тем охотнее дает это <...>, так как норвежское правительство весьма заинтересовано, чтобы ее торговля с Россией могла производиться беспрепятственно»³⁵. Однако в целом в этот период можно говорить об упадке экономических отношений между Северо-Западом России и Норвегией. Традиционные товары, такие как зерно, поставлялись из Нового Света. В 1917 г. норвежский министр продовольствия заявил, что Норвегия располагала 210 000 т зерна, которых хватило до декабря месяца. Урожая предполагалось получить около 400 000 т, чего хватило бы до апреля-мая 1918 г., после чего потребовалось бы приобрести еще зерна, чтобы избежать голода. В тех условиях такие поставки могли обеспечить США или Канада. В итоге с Америкой заключили контракты на 200 000 т³⁶. По мнению российского военно-морского агента, к 1916 г. вся северная Норвегия, от Кристианзунда и выше, стала в большинстве своем германофильской в силу экономических причин: Норвегия «захлебывается в германском золоте, получаемом за вывозимые в Германию рыбы, тюленья мясо и прочие съестные продукты, за которые немцы, не стесняясь, платят неслыханные цены и всякими правдами и неправдами вывозят <...> [ранее] промысловая шхуна набивала от 4 до 6 тыс. зверя, с которого снималась шкура и пересыпанная солью складывалась в трюм, а жир топился и сливался в цистерны, тушки же выбрасывались. Теперь же за 1 кг тюленьего мяса немцы платят не менее 1 марки»³⁷.

Объявленный нейтралитет не спасал Норвежское королевство от военных потерь. По данным российского консульства, в Христиании с начала I мировой войны к 16 ноября 1916 г. Норвегия потеряла 170 пароходов, 60 парусников, 14 судов было захвачено либо конфисковано. Общий тоннаж составил 316 316 т на сумму 136 798 500 крон³⁸. По словам секретаря общества судовладельцев, норвежцы потеряли 13 614 001 крону, ожидавшуюся в качестве прибылей от сделок по фрахтованию пароходов, и 14 335 854 крон — стоимость погибших на кораблях грузов³⁹. Огромные убытки несли страховые компании. В октябре 1916 г. акционерное общество «Русское Восточно-Азиатское пароходство» обратилось в Управление по морским перевозкам. Норвежский пароход «Рингборг», зафрахтованный обществом на два рейса из Нью-Йорка в Архангельск и обратно, по приказанию норвежского командующего был задержан в Варде из-за опасения со стороны страховых компаний потопления немецкими подводными лодками. Впрочем, арестованными оказались все суда, следовавшие в Архангельск: пять буксирных пароходов, три деревянных морских лихтера, груженные моторными катерами, 12 стальных лихтеров и буксирный

пароход — все норвежские⁴⁰. Для снятия ареста пришлось связываться с Британским Адмиралтейством и Императорским российским консульством в Варде и Тромсё⁴¹.

В начале XX в. шло перетекание и российского капитала в Норвегию. Однако связано это было с традиционными формами экономической активности. Русские купцы, приезжая на пароходах из Архангельска, Александровска и других мест, привозили с собой огромные суммы (сотни тысяч рублей). Происходило это, как правило, неофициально вследствие фактического отсутствия таможенного контроля. Многие пассажиры даже заграничных паспортов не имели⁴². Купцы рубли предпочитали закладывать частным лицам для получения норвежской валюты, теряя при этом до 10 % по сравнению с биржевой стоимостью⁴³. В годы войны это явление стало восприниматься российскими властями как экономическая опасность для страны: рубли накапливались, и курс их в Норвегии падал, чем пользовалась германская агентура, скупая рубли для Германии. Во всяком случае, по косвенным признакам можно судить об активности германской разведки в Норвегии: когда была потоплена немецкая подводная лодка севернее Гаммерфеста, команда из 30 человек была снята норвежской моторной шхуной. Российский военно-морской агент сообщал: «по пути в Гаммерфест командир лодки стал сначала просить, потом требовать с угрозами доставить их в Тромсё, “так как он знает, что там теперь находится германский пароход “Веста”, который может их доставить прямо в Германию”, — по словам капитана шхуны, такая осведомленность германского командира страшно поразила его»⁴⁴. На севере Норвегии, в городах Тромсе и Буде, ОфотенБанк устанавливал более высокий курс российского рубля. Однако в одном лишь городке Варде у местных купцов к 1917 г. скопилось несколько миллионов русских рублей⁴⁵. Военно-морской агент в Христиании даже советовал Кредитной канцелярии учитывать количество русских денег, проникших контрабандным путем в Норвегию. Основная масса денег вывозилась для расплаты за покупаемую в Норвегии рыбу. Российские консулы в Тромсё, Тронхейме и Варде страховали стоимость закупленной рыбы. Разница в разрешенной к вывозу русских денег для торговцев по закупке рыбы и застрахованной сумме давала возможность судить о размерах.

Безусловно, что полного прекращения экономических отношений не было и не могло быть. Скорее менялся их характер. Таблица показывает типичные примеры участников экспортных операций в Норвегию (все сведения относятся к 1916 г.)⁴⁶:

№	Фирма или Ф.И.О. предпринимателя	Место пребывания	Экспортируемые товары
1	Пребенсен	—	Льняная жмыха, щетина
2	Басс	Курск	Пенька
3	Тетеревлёв	Архангельская губ.	Конопля
4	О. Вист	Гаврилов	Канат, смола, деготь, скипидар
5	Maskin- och Brobyggnads	—	Части машин
6	Карл Вострем	Торнео	Пенька
7	О. Паульсон	—	То же
8	Отделен. Русского для Внешней торговли Банка	Архангельск	Нафталин
9	Гребенсен	—	То же
10	Христиан Христиансен	Петроград	Льняное семя и солод
11	Альфред Йенсен	—	Яйца
12	Нордель Карлин Бергеруд	Киркинес	Еловые стволы
13	В.Н. Торлов	Архангельск	Березовая кора, доски и шпалы
14	Настоятель Печенгского монастыря	Архангельская губ.	Вареная морошка
15	Липин	—	Рыбий жир
16	Медведников	—	Берёзовая кора
17	капитан Мальгин	—	Доски
18	Ольсен Стампе и Ко	Архангельск	Сосновые и еловые доски
19	Николаевская главная физическая обсерватория	Петроград	Резиновые шары — пилоты
20	Нильс Ист	Варде	Лук, смола, вар
21	П. и И. Данишевские	Архангельск	Смола
22	Малькольм и Ко	Петроград	Пенька
23	Маслин	Рига	То же
24	Торговый дом Рабинович и Ко	—	Жмыха, льняное семя, клевер
25	А. Морозов	—	Мука
26	Русское общество Экспортной торговли	Петроград	Пшеница, льняная жмыха и льняное семя
27	Иоганн Соров	Там же	Льняная жмыха
28	Ханжонков	—	Кинематографические ленты
29	поморы Антуфьевы	—	Ржаная и пшеничная мука и доски
30	Контора «Российский экспорт и импорт»	—	Лён
31	поморы Хохлин и Сметанин	—	Ржаная мука
32	Мульжские поморы Липин, Буркин, Коперины	—	Доски и колья
33	Ларсен	—	Жмыхи
34	Торговый дом Бр. Каменские и Н. Мошков	—	Пенька и цитварное семя

№	Фирма или Ф.И.О. предпринимателя	Место пребывания	Экспортируемые товары
35	Стьернвальд	Николайстад	Семя клевера
36	Крестовников	Москва	Глицерин
37	Братья Бремме	Петроград	Мятное масло
38	Графиня Богарне	—	Спиртные напитки
39	Гатрман	Христиания	Семя льна
40	Христиансен	—	Платина (азбест)
41	Виктор Эк	—	Пенька
42	Густав Сваньюнг	—	Семя клевера
43	Василий Пахомов	—	Пенька
44	В.К. Феррейн	Москва	Спорынья
45	Гергард и Гей	—	Конопля
46	Акционерное общество Словолити О.И. Лемана	—	Шрифт
47	«Мухре»	Христиания	Галоши
48	Рибер и Ко	Берген	Тюленьи кожи
49	помор Копырин	—	Ржаная мука

Хотя номенклатура товаров осталась традиционной, выросло количество фирм и частных предпринимателей, предпочитающих денежные расчеты. Данные сведения являются отражением только официальной статистики. Жандармское управление Архангельской губернии постоянно сообщало о попытках нелегального вывоза денежных средств и товаров в Норвегию, но, как правило, в годы I мировой войны нарушения касались вывоза валюты и золота⁴⁷. Тогда как меновая торговля практически прекратилась (и I мировая война, скорее, ускорила ее кризис, чем создала), то денежные расчеты, несмотря на все трудности военного времени, все-таки увеличились. По сведениям уполномоченного по торговле и промышленности В. Ленгауэра, количество товаров, отправленных из Архангельска в Норвегию, выросло с 1915 по 1916 г. с 49 613 894 до 65 113 278 пудов⁴⁸. В военный период возникают фирмы, ведущие экономическую деятельность с ориентацией на рынок, в том числе международный. В 1916 г. свой устав регистрирует «Каспийско-Волжское и Беломорское рыбопромышленное и торговое акционерное общество», хотя правление располагалась в Астрахани, учредители, братья Беззубиковы, планировали в Архангельской губернии эксплуатировать звериные и рыбные промыслы, строить заводы и фабрики «для надобностей промыслового дела и с целью переработки рыбных продуктов и для производства торговли рыбными и другими товарами в России и за границей»⁴⁹. На подобных условиях образовалось и «Лесопромышленное

акционерное общество Прютц и К» в лесной отрасли. Предприятия российского консула в Тромсё Конрада Хольмбо открывались по всей Европейской России. К началу XX в. характер экономических отношений двух стран серьезно изменился.

¹ Лооне Л.А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и первой половине XIX века // Скандинавский сборник I / Под ред. В.В. Похлебкина и Л.К. Роотс. Таллин, 1956. С. 142.

² Рогинский В.В. Русско-шведские отношения в новое время // Шведы и Русский Север. Киров, 1997.

³ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. М., 1985.

⁴ Щипанов В.К. Материалы о торговых и культурных связях России со скандинавскими странами XIX – начала XX в. в фондах ЦГИА СССР // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. ст. Л., 1970. С. 372–373.

⁵ Там же.

⁶ Пийримяэ Х.А., Крафт С. Северная Норвегия в торговых договорах соединённого королевства с Россией // Скандинавский сборник I... С. 236.

⁷ ГАМО. Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4243. Л. 2.

¹¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 3. Д. 2612. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5483. Л. 4–4об.

¹⁵ Берендтс Э. О шведско-норвежской унии: Историко-политический этюд. Ярославль, 1895. С. 61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Русова С. В стране вольного крестьянства (в Норвегии). Ростов нД, 1905. С. 16.

¹⁸ Берендтс Э. О шведско-норвежской унии... С. 64.

¹⁹ Похлебкин В.В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905–1907 гг. и влияние на нее первой русской революции // Скандинавский сборник I С. 177.

²⁰ Там же.

²¹ Русова С. В стране вольного крестьянства (в Норвегии). Ростов на/Д, 1905. С. 10.

²² Там же.

²³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3945. Л. 1.

²⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 18.

²⁵ Там же. Л. 24.

²⁶ Там же. Л. 27–38 об.

- ²⁷ Там же. Л. 40 об.
- ²⁸ Васильев В.А. По Швеции и Дании. Екатеринослав, 1914. С. 4.
- ²⁹ Коваленко Г.М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб., 1999. С. 195.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ Щипанов В.К. Материалы... (см. выше).
- ³² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3946. Л. 68.
- ³³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3081. Л. 135.
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3946. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 31.
- ³⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3944. Л. 18.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3939. Л. 7.
- ³⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3947. Л. 33.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3948. Л. 3.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3954. Л. 2.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3954. Л. 7.
- ⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3954. Л. 2.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 1.
- ⁴⁷ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 58.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 38.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 1437. Л. 189.